

Цинь Юйчжи, вытирая слёзы, не могла удержаться от хихиканья, а Цинь Юйланы с удовлетворением скривила губы. Сёстры в душе радовались, что Цинь Юйфу с детства был слабым и глупым, его можно было провести парой слов. Отлично, поделим деньги пополам. А как хоронить старую мать? Они об этом даже не подумали.

В этот момент толпа расступилась, почтительно пропуская медленно шедшего старика с руками за спиной. Это был староста деревни.

— Что за шум?

Женщины промолчали, а Цинь Юйфу, который всё это время молчал, поднял голову:

— Прошу старосту быть свидетелем.

Староста поднял бровь:

— Говори.

Цинь Юйланы собиралась что-то сказать, но Цинь Юйчжи её остановила. Сейчас, когда документы на дом не найдены, если вмешается староста, можно восстановить свидетельство и продать дом!

Бригадир стоял рядом с Цинь Юйфу и похлопал честного парня по плечу.

Цинь Юйфу сейчас чувствовал себя так, словно его макнули в чан с квашеной капустой — невыносимо плохо:

— Старшая сестра, вторая сестра, маме нужны деньги на операцию?

— Да, — ответила Цинь Юйланы и посмотрела на старшую сестру. Почему ты молчишь? Внезапно её охватило беспокойство. Старшая сестра с детства была хитрой, при перемене ветра она могла бросить и её. Неужели...

Бригадир достал мобильный телефон, набрал номер и протянул старосте.

Человек, ставший старостой, простым не был. Под взглядами толпы он сохранял спокойствие. Когда на том конце представились как из районной больницы, староста всё понял. Задав пару вопросов, его морщинистое лицо на мгновение исказилось от изумления. Он с ужасом посмотрел на сестёр. Слишком уж бесчинствуют! А куда девали мораль и человечность?

Со свидетелем-старостой дело пошло быстрее. Все узнали, что старушка умерла, и тут же начался скандал. Брань и упрёки посыпались на сестёр, заставив их сгореть со стыда и не поднять глаз. Особенно несколько старух, которые были близки с бабушкой, проклинали их, желая скверной смерти.

Загнанная в угол собака и та кусается. Цинь Юйланы испугалась и разрыдалась, а Цинь Юйчжи тут же нашла выход:

— Все, не шумите, послушайте меня. Мама умерла, это факт, но и то, что ей нужна была операция — тоже факт. И то, что Цинь Юйфу не был у постели больного, тоже факт. А мы, две сестры, ухаживали за мамой до самого конца — это тоже факт.

Цинь Юйланы вспомнила план действий, который они обсуждали с сестрой, и глаза её загорелись:

— Верно, верно. У мамы был только такой сын, но перед смертью она его так и не увидела. Она сказала с болью, что дом должен достаться нам, сёстрам, а не Цинь Юйфу, который вообще приёмный.

Приёмный!

Господи!

Ради денег они готовы опозориться, какая уж тут родня? Просто бесстыдные!

Бригадир презрительно фыркнул:

— Родной он или нет — неважно. Если он вписан в домовую книгу, он законный ребёнок старушки.

В этот момент вышел Шу Нин, держа в руках домовую книгу, и злорадно усмехнулся про себя. Эти двое дураков сами себе вырыли могилу, теперь не нужно будет уговаривать дядю порвать с ними.

Староста перелистал домовую книгу и кивнул:

— Имя Цинь Юйфу здесь.

Доходя до такого, Цинь Юйлань не могла сдаться. Покраснев, она закричала:

— А разве предсмертные слова мамы ничего не значат?

Бригадир нахмурился. Вдруг Цинь Юйлань с сестрой подкупят пару медсестёр как свидетелей, тогда будет плохо.

Цинь Юйфу же был без головы, придумать ничего не мог, лицо его побелело. Особенно слова про то, что он приёмный, чуть было не сломили его.

Вокруг снова начался шум. В городе люди нанимают юристов для завещаний, а в деревне всё решается словом или бумажкой.

— О? — Шу Нин холодно усмехнулся, взгляд его стал острым:

— Я и не знал, что вы такие почтительные дочери. Есть такая вещь — камеры видеонаблюдения. В больнице на входах и в коридорах они стоят везде. Расскажите всем, как вы обошли камеры и попали в палату? Или это вам приснилось?

Эти слова вызвали смех у окружающих. Лица сестёр мгновенно изменились, стали невыносимо жалкими, они готовы были провалиться сквозь землю. Теперь шансов не было. Репутация была разрушена, и их, как крыс, прогнали с поношениями. Перед тем как сбежать, они злобно посмотрели на Шу Нина, словно говоря: «Погоди, у меня к тебе ещё претензии».

После того как этот фарс закончился, похороны сыграли на семь дней. За это время Цинь Юйчжи приходила с наглым лицом, падала на колени и выла, будто по-настоящему, а потом притворялась, что у неё закружилась голова, и шла в дом «отдохнуть». На самом деле она не сдавалась, рылась везде в поисках документов на дом. Не найдя, перерыла штаны и куртку брата и прихватила 20 юаней.

Шу Нин её берёт. Увидев, что Цинь Юйчжи вошла в дом, через пять минут он специально

позвал высокую и крупную тётю Чжан заглянуть туда. Цинь Юйчжи была поймана с поличным, но не раскаялась, а наоборот, начала огрызаться. Тётя Чжан, женщина честная и с безупречной репутацией, отвесила ей несколько пощёчин. Цинь Юйчжи было так стыдно, что она больше не появлялась.

Муж второй сестры был учителем, человеком, для которого лицо очень важно, поэтому Цинь Юйлань пришлось приехать, пришлось бегать и суесться, а по ночам сидеть у чёрно-белой фотографии. Смотря на добрую улыбку старой матери, она ужасно боялась, всё казалось ей жутким! Лицо её всё время было бледным, она вздрагивала от любого звука.

На сердце у Цинь Юйлань наверняка было беспокойно. Раз ей было плохо — Шу Нин спокоен. Днём он с ней не церемонился, нарочно при всех приказывал ей то одно, то другое. Она была в ярости, но вынуждена была подчиняться — как это было сладко! В день погребения шёл мелкий дождь, Цинь Юйлань нельзя было брать зонт и нельзя было не стоять на коленях. Вернувшись домой, она слегла, её мучили кошмары.

Бригадир оказался толковым, он уже нашёл надёжных людей для покупки дома. Шу Нин участвовал во всём процессе, и дом ушёл за 5 000 юаней. Деревенские дома стоят недорого, особенно старые, где жили больше десяти лет. В городе тоже было мало многоэтажек, в основном одноэтажные постройки. Шу Нин строил свои планы, потому что через месяц Цинь Юйчжо должна была приехать за ним.

С покупкой дома хотел помочь бригадир, но Цинь Юйфу не хотел, мечтая оставить деньги Шу Нину. Ведь эти деньги принесла третья сестра, и он не мог ими воспользоваться. Бригадир злился на его мягкотелость, уговаривал два дня, но бесполезно. Зато Шу Нин пришёл на стройку с документами на дом. Бригадир с одного взгляда понял, что всё настоящее, и посмотрел на ребёнка с большим уважением.

Шу Нин сиял:

— Дядечка, не хотите ли с нами пойти пообедать?

Сразу было понятно, что им есть что сказать. Бригадир махнул рукой, взял каску и вышел.

Рядом со стройкой была маленькая забегаловка: порции большие, цены доступные. Шу Нин заказал тарелку свиных костей, порцию «гообаожоу» и суп с яйцом. Это были блюда, которые любил дядя, но на которые никогда не тратился.

Дядя улыбнулся криво:

— Ну, купили дом и купили. На самом деле я могу жить на стройке, дом мне не нужен. А ты о своей учёбе не подумал? Ладно, после еды сходи со мной откроем сберкнижку, твою учёбу я беру на себя.

Шу Нин видел его мрачное настроение. Неужели до сих пор не отпустил? Забеспокоился:

— Ты мой родной дядя, в этом нет сомнений. Они так сказали только ради дома. Дядя, они довели бабушку до смерти, унижали тебя и меня... И ты всё ещё к ним привязан?

Цинь Юйфу молчал, положил вилку с мясом обратно на тарелку.

Шу Нин вздохнул и решил дать самое сильное средство:

— А зарплату, которую ты всё эти годы отправлял тётке, ты вернул?

Мясные пирожки, брошенные собаке — не вернуться.

Цинь Юйфу вздрогнул, лицо его потемнело, в уголках глаз замерли слёзы:

— Они... они раньше были не такими. Я помню, когда я был маленьким, пошёл дождь, все зонты в доме забрали. Старшая сестра пришла за мной в школу, укрыла меня большим куском полиэтилена, а сама промокла насквозь. Вторая сестра любила меня смешить, когда я смеялся, ей было радостно. Третья сестра... — говорил он без остановки, вспоминая только самое лучшее. Жаль, что людей уже нет, и не вернуть то время.

Шу Нин молчал и слушал. Еда остыла, Цинь Юйфу всё говорил. Такой большой мужик, а плачет. Но глядя на то, как он повеселел, похоже, он всё понял.

После этого они пошли в банк и оформили две сберегательные книжки. Шу Нину было всего тринадцать, паспорта не было, с документами было сложно. Даже при покупке дома использовали паспорт дяди и доверенность.

— Сяо Нин, я живу с десятком рабочих в одном помещении, неудобно хранить ценные вещи. Документы на дом ты возьми с собой, держи в школе?

— Хорошо, — Шу Нин купил дом, конечно, не чтобы жить в нём, а потому что его скоро должны были снести, можно было хорошо заработать:

— Дядя, богатство не показывай. Никому не говори о сегодняшнем деле. Если тётя и вторая тётя придут на стройку требовать твою зарплату, скажи, что на похороны занял много денег, пусть вернут.

Цинь Юйфу фыркнул и стукнул Шу Нина ладонью по лбу:

— Вот ты какой умный.

<http://bllate.org/book/16573/1513420>